ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1887.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЕМНАДЦАТИ ТАБЕЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 лин., № 12.

1888.

сомъ. Хотя авторъ и не недавно покинулъ Персію, но не порывалъ связи съ нею и издали слѣдилъ за интересующими его «новостями дня»; послѣднія, отмѣченныя имъ событія, относятся къ половинѣ 1886 г. Слѣдуетъ благодарить переводчика за хорошей и полезный подарокъ читателю; ему можно сдѣлать лишь маленькій упрекъ за то, что онъ не вездѣ съ одинаковою осторожностью относился къ персидскимъ словамъ въ англійской транскрипціи, отчего у него получилось: деріаръ-инуръ (вмѣсто деръяя-нуръ, стр. 5); ханъ-ди (вмѣсто ханъ-даи, стр. 24); мудакехиль (вмѣсто мудахиль, стр. 24); Бахтіарисъ, Кашкаисъ (стр. 178, гдѣ съ = s англ. множ. числа) и проч.

В. Ж.

63. М. Машановъ. Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда, какъ введеніе къ изученію ислама. Часть I. Очеркъ религіознаго быта арабовъ-язычниковъ въ эпоху Мухаммеда. Казань 1885. VIII + 862 + V стр. in 8° (= Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ. Выпускъ XVII).

Трудъ г. Машанова лежитъ предъ нами уже почти два года и если мы только теперь рѣшаемся поговорить о немъ съ читателями Записокъ В. О., то этому замедленію есть причины и помимо недостатка свободнаго времени. Сочиненіе, рассчитанное на три части, первая изъ которыхъ обнимаетъ почти 90 страницъ довольно убористой печати, и посвященное исключительно до-мусульманскимъ арабамъ, ихъ религіи, быту и исторіи — это такое явленіе въ нашей ученой литературѣ востоковѣднія, которое конечно не могло не остановить нашего вниманія и мы взяли за чтеніе его съ немалыми ожиданіями. Составляя одинъ изъ выпусковъ «Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника» издаваемого при Казанской духовной Академіи, трудъ г. Машанова является новымъ доказательствомъ того широкаго взгляда редакціонной комиссіи «Сборника», на который мы уже имѣли случай указать въ «Запискахъ В. О. И. Р. А. О. I, стр. 39, и за который, повторяемъ это еще разъ, нельзя не быть искренне признательнымъ комиссіи. Совершенно ясно, что такое объемистое сочиненіе, какимъ явится трудъ г. Машанова по своемъ окончаніи, ни коимъ образомъ не можетъ имѣть *прямое* отношеніе къ противомусульманской миссіонерской дѣятельности, и даже какъ введеніе къ изученію ислама, какъ средство къ правильному пониманію ислама, — если это изученіе преслѣдуетъ именно миссіонерскія задачи, — оно не можетъ служить практическимъ цѣлямъ. Нынѣшніе мусульмане слишкомъ мало похожи на древнихъ арабовъ-язычниковъ и нынѣшній исламъ слишкомъ далекъ отъ ислама

Мухаммеда, чтобы можно было ожидать какой-нибудь прямой практической пользы отъ самаго даже основательнаго знакомства православнаго миссіонера съ древнеарабскимъ бытомъ. Для послѣдняго знаніе и пониманіе *мусульманской* экзегетики, догматики, схоластики, науки хадиса и пр. и пр., гораздо важнѣе самаго отчетливаго знанія именъ и атрибутовъ всѣхъ когда-либо почитавшихся въ древней Аравіи боговъ и богинь. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но не менѣе ясно и то, что съ точки зрѣнія чисто *научной*, для уразумѣнія такого крупнѣйшаго историческаго явленія, какимъ былъ Мухаммедъ, подробнѣйшее и всестороннее изученіе древнеарабскаго быта дѣйствительно есть «*conditio sine qua non*», и мы поэтому, вообще говоря, согласны съ тѣми соображеніями, которыми авторъ на первыхъ же страницахъ предисловія мотивируетъ свое рѣшеніе «представить всестороннее изображеніе жизни арабскаго народа во время Мухаммеда, насколько это конечно имѣетъ отношеніе къ исламу и тѣмъ способствовать пониманію этой религіи». 1) Оговорки требуетъ только одно положеніе (стр. IV), именно, что безъ знанія состоянія арабовъ въ эпоху Мухаммеда «нельзя себѣ объяснить историческаго хода ислама на первыхъ его порахъ, его завоевательнаго характера, его быстрога распространенія почти по всему міру, быстрога достиженія арабами-мусульманами цвѣтущаго государственнаго и научнаго состоянія и столь-же быстрога упадка въ мракъ невѣжества, въ какомъ коснѣютъ до нынѣ всѣ почти мусульмане, въ томъ числѣ и арабы». При объясненіи большинства тутъ перечисленныхъ явленій знаніе «состоянія арабовъ въ эпоху Мухаммеда» играетъ самую незначительную роль, и исполнѣ преобладающее значеніе имѣетъ изслѣдованіе состоянія тѣхъ *странъ* и *народовъ*, которые *подчинились* исламу. Съ того самаго времени, когда исламъ вышелъ за предѣлы арабскаго полуострова, онъ началъ освобождаться отъ вліянія арабскаго элемента, который потомъ ступшевывается все болѣе и болѣе. Связывать-же «невѣжество», въ которомъ будто бы коснѣютъ теперь всѣ мусульманскіе народы въ какомъ бы то ни было отношеніи съ состояніемъ арабовъ въ эпоху Мухаммеда, нѣтъ уже рѣшительно никакихъ основаній. Но это такая тема, которая могла бы увлечь насъ слишкомъ далеко. — Выказавъ мнѣніе, что трудъ г. Машанова не можетъ имѣть никакого прямаго практическаго значенія для миссіонерской дѣятельности, но признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что мысль, легшая въ его основаніе — исполнѣ правильна и научна, мы тѣмъ самымъ установили, что этотъ трудъ долженъ быть разсматриваемъ съ *строга научной* точки зрѣнія. Критика должна

1) Стр. V.

рѣшить, насколько авторъ совладалъ со своею задачею, насколько правильны его приемы и въ какой степени могутъ быть признаны авторитетными для исторической науки добытые имъ результаты.

Г. Машановъ все свое сочиненіе раздѣлилъ на три тома. *Первый*, единственный пока вышедшій, посвященъ, какъ и сказано въ самомъ заглавіи, очерку религіознаго быта арабовъ-язычниковъ въ эпоху Мухаммеда; *второй* обниметь «очеркъ состоянія въ Аравіи религій христіанской, іудейской, религіи маговъ и сабеевъ, и наконецъ, очеркъ языческихъ сектъ, образовавшихся среди арабовъ-язычниковъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ перечисленныхъ религій»; *третья* и послѣдняя часть разсмотритъ общественную и политическую жизнь арабовъ и въ ней-же будетъ помѣщенъ также и «краткій историческій очеркъ арабовъ». Въ заключеніе авторъ намъ обѣщаетъ показать¹⁾, «что исламъ внесъ новаго въ міръ, что онъ нашелъ готовымъ въ Аравіи и насколько онъ въ извѣстномъ отношеніи возвысилъ арабовъ, и насколько въ другомъ онъ былъ вреденъ для нихъ».

Лежащій предъ нами первый томъ распадается на два неравныхъ по объему отдѣла: *первый* (стр. 1—146) озаглавленъ «*Географическій очеркъ Аравіи*» и обнимаетъ главы: Названіе Аравіи. Границы (1—8), Общій характеръ Аравіи (8—16), Климатъ (17—47), Растительность Аравіи. Животныя. Царство ископаемое (46—80), Частное описаніе Аравіи. Каменистая Аравія. Пустынная Аравія. Счастливая Аравія. Техама. Іемень. Наджранъ. Джофъ. Хазрамаутъ. Эль-Хаса. Недждъ. Емама. Асиръ. Ахкафъ. Синайскій полуостровъ. Красное море. Персидскій заливъ (80—118). Хиджазъ. Мекка. Медина. Другіе города и мѣста этой области (119—146). *Второй* отдѣлъ (стр. 147—862), *Религіозный бытъ арабовъ-язычниковъ*, обнимаетъ слѣдующія главы: Предварительныя замѣчанія (147—148), Источники свѣдѣній о религіи арабовъ (148—164), Идея единаго Бога у арабовъ (164—195), Многобожіе у арабовъ (195—208), Начало идолопоклонства у арабовъ (208—216), Понятіе арабовъ о верховномъ Богѣ и объ отношеніи къ Нему нисшихъ боговъ (217—255), Звѣздопочитаніе у арабовъ. Поклоненіе солнцу. Шарикъ. Гаубасъ. Ята. Кулалъ. Димаръ. Дзусамаватъ. Симдавъ. Рахманъ. Самахъ. Дусаресъ. Сабисъ. Саиръ. Ягукъ. Ягусъ. Несръ. Луна, какъ божество. Синъ. Ильмакагъ. Сухейль-Канона. Фульсъ. Сиріусъ. Плеяды. Аль-Дебаранъ. Асадъ. Сатурнъ. Юпитеръ. Саадъ. Саидъ. Меркурій. Венера. Небо-богъ. (255—347), Культъ деревъ. Пальма Наджрана. Затъ-Анватъ. Узза (347—371). Почитаніе камней. Черный камень. Аллата. Мената (372—415). Культъ

1) Стр. VI. VII.

предковъ. Ваддъ. Совагъ. Ягусъ. Ягукъ. Несръ. Исафъ. Найла. Гобаль (415—450). Малоизвѣстныя божества и идолы арабовъ (450—459). Уроталь. Аллатъ (459—467). Вѣра въ судьбу (467—477). Ангелы (477—481). Джинны (481—513). Отношеніе Бога къ міру и человѣку (513—520). Вѣра въ безсмертіе души (520—546). Обрядовая сторона арабско-языческой религіи. Священныя мѣста. Кааба. Земземъ. Мина. Харамъ. Мевѣ замѣчательныя капища арабовъ (547—621), Священные обряды. Жертвы. Человѣческія жертвы. Животныя, посвящавшіяся божеству. Чистыя и нечистыя животныя. Хаджъ. Менѣ замѣчательныя св. путешествія. Обрѣзаніе. Нарѣченіе имени. Омовеніе. Погребеніе умершихъ (621—756), Гаданія (756—769), Священныя времена (770—782), Священныя лица у арабовъ - язычниковъ. (782—822), Суевѣрія арабовъ - язычниковъ. Астрологія. Талисманы и амулеты. Спотолкованіе. Вѣра въ предзнаменованія. Вѣра въ дурной глазъ. Разныя другія суевѣрія. Волшебство. (822—862).

Мы нарочно привели все «оглавленіе», чтобы показать, какъ широко авторъ повялъ свою задачу, и мы не можемъ не признать, что мысль изслѣдовать вмѣстѣ и теоретическую и практическую, обрядовую, сторону древне-арабской религіи чрезвычайно удачна, хотя и не совсѣмъ нова. Равнымъ образомъ заслуживаетъ одобренія приложеніе географическаго очерка и обзора разныхъ суевѣрій, хотя послѣдній безъ особеннаго ущерба могъ быть присоединенъ и къ другой части сочиненія. Затѣмъ мы охотно признаемъ за авторомъ усидчивое трудолюбіе, основательное ¹⁾ знаніе арабскаго языка и довольно значительную начитанность въ старой европейской литературѣ предмета. Но къ крайнему нашему сожалѣнію этимъ и ограничивается все, что мы можемъ сказать въ похвалу труду нашего автора, и вотъ это-то обстоятельство и есть причина, почему мы такъ долго медлили съ нашимъ отзывомъ. Вполнѣ сознавая, какъ много нужно энергіи, выдержки и горячей любви къ наукѣ, чтобы при тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены у насъ ориенталисты вообще и провинціальныя въ особенности, посвятить себя вполнѣ такому почти никого во всей Россіи не интересующему предмету, какъ древнеарабская жизнь, мы долго не рѣшались выступить противъ единственнаго человѣка, который этимъ предметомъ занимается съ беззавѣтнымъ, повидимому, увлеченіемъ. . . Но тѣмъ не менѣе эта тяжелая обязанность должна быть исполнена. Мы должны высказать

1) Нѣкоторые, иногда довольно крупныя, промахи въ переводахъ мы приписываемъ быстротѣ работы и недостаточной отдѣлкѣ деталей сочиненія. Большинство текстовъ приводимыхъ авторомъ, впрочемъ, существуетъ въ латинскихъ, франц. англ. и нѣм. переводахъ.

свой взглядъ съ полной опредѣленностью: согласится ли съ нами г. Машановъ или нѣтъ — это его дѣло. Но мы искренне просимъ его принять нашу критику, не смотря на ея кажущуюся рѣзкость, какъ дань уваженія къ его безкорыстному служенію наукѣ, къ его поразительному трудолюбію и солидной эрудиціи.

Говоря ¹⁾ о трудности и даже невыполнимости задачи «всесторонняго изображенія жизни арабскаго народа во время Мухаммеда» при нынѣшнемъ состояніи науки, г. Машановъ прибавляетъ: «особенно же трудна эта задача при тѣхъ научныхъ средствахъ, какія были въ нашемъ распоряженіи, въ виду невозможности пользоваться *многими капитальными изданіями арабскихъ писателей и памятниковъ* ²⁾, которыхъ мы не могли ни приобрести по ихъ дороговизнѣ, ни прочесть ихъ за неимѣніемъ здѣсь въ Казани. Поэтому нѣкоторые частные вопросы и отдѣлы въ нашемъ сочиненіи обработаны не съ тою полнотою и обстоятельностью; съ какою бы того желалось. Но quod potui, feci, faciant meliora potentes».

Когда нѣтъ возможности пользоваться «многими капитальными изданіями арабскихъ писателей и памятниковъ», тогда человѣкъ *знакомый съ условіями и требованіями научныхъ историческихъ работъ* прямо откажется отъ «всесторонняго изображенія жизни арабскаго народа во время Мухаммеда» и поищетъ себѣ такую работу, для которой онъ можетъ найти необходимѣйшіе матеріалы. Странный этотъ въ самомъ дѣлѣ предрасудокъ у многихъ нашихъ провинціальныхъ ориенталистовъ, что можно задаваться рѣшеніемъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ историческихъ проблемъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи самыхъ важныхъ источниковъ. При подобныхъ обстоятельствахъ не отдѣльные, частные, вопросы выйдутъ недостаточно полно обработанными, а самый трудъ потеряетъ весь свой «*raison d'être*», все свое *научное* значеніе. Почти столь же важна и необходима доступность европейской литературы предмета, хотя тутъ нужно сдѣлать оговорку. Мы допускаемъ такіе случаи, когда неполное знакомство съ литературою предмета не можетъ быть поставлено въ безусловную вину ориенталисту. Именно при большомъ обиліи новыхъ, еще неизданныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ доселѣ недоступныхъ восточныхъ авторовъ, всякій охотно проститъ ученому, обогатившему науку такими новыми фактами, что онъ мѣстами игнорируетъ работу своихъ предшественниковъ, упустивъ изъ виду какія-нибудь статьи и замѣтки, разбросанныя въ расплодившихся за послѣднее время до безконечности ученыхъ журналахъ разныхъ наиме-

1) Предисл. V.

2) Курсивъ рецензента.

нованій. Но при несоблюденіи этого условія нужно требовать по крайней мѣрѣ знакомства съ важнѣйшими явленіями европейской литературы. Если же это по мѣстнымъ условіямъ недостижимо, то слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ широкихъ плановъ, ибо при такихъ условіяхъ становится исполнѣ невозможной хорошая работа, даже чисто компилятивнаго характера.

Указанный нами опасный предрасудокъ основывается, какъ намъ кажется, на неправильномъ пониманіи приемовъ и требованій исторической науки, которое замѣчается нерѣдко въ трудахъ нашихъ — и не только нашихъ — ориенталистовъ. Многие изъ нихъ повидимому думаютъ, что выписки изъ случайно попавшихся имъ подъ руку второстепенныхъ и третьестепенныхъ сочиненій, восточныхъ и европейскихъ, способны удовлетворить всѣмъ требованіямъ и представляютъ годный матеріалъ для выводовъ, заключеній, сопоставленій и мудрствованій всякаго рода, получающихъ ученый видъ, благодаря обильно разсыпаннымъ въ примѣчаніяхъ ссылкамъ на большое количество другихъ, столь же случайно попавшихся имъ на глаза сочиненій. Между тѣмъ къ исторической истинѣ ведетъ только одинъ путь: *установленіе историческаго факта при помощи тщательной проверки относящихся къ нему извѣстій*, другими словами, *систематическая критика источниковъ*. Путь этотъ одинъ и тотъ-же, идетъ-ли дѣло объ исторіи Китая или Россіи, Турціи или Испаніи, изслѣдуется ли исторія политическая, религіозная, бытовая, или-же исторія текстовъ, литературныхъ сюжетовъ, звуковъ, языковъ. Это есть для историка — тотъ единственный, прямой путь *الصراف المستقیم*, внѣ котораго нѣтъ спасенія, и всякія разсужденія и соображенія, выводы и заключенія, *совершенно паздны*, пока этотъ путь не пройденъ. Но самый маршрутъ, если позволено такъ выразиться, можетъ и долженъ быть различный, смотря по обстоятельствамъ, т. е. приемы при критикѣ источниковъ бываютъ разные, смотря по состоянію науки въ данное время, по степени нашего знакомства съ даннымъ историческимъ періодомъ даннаго народа. Совершенно ясно, напр., что иначе отнесется изслѣдователь къ дѣлу, когда у него есть только одинъ источникъ о какихъ-нибудь фактахъ, чѣмъ тогда, когда у него есть цѣлый рядъ показаній о нихъ разныхъ лицъ разныхъ временъ. Если историкъ въ первомъ случаѣ прямо можетъ приступить къ обсужденію степени довѣрія, котораго заслуживаетъ его источникъ, и степени вѣроятности или невѣроятности самаго факта, то въ послѣднемъ случаѣ этой работѣ *обязательно* должно предшествовать изслѣдованіе взаимнаго отношенія другъ къ другу показаній о фактѣ всего ряда лицъ о немъ сообщающихъ, приведеніе этихъ показаній къ ихъ древнѣйшей, доступной изслѣдователю, формѣ,

возстановленіе ихъ по возможности въ первоначальномъ видѣ, очищеніе ихъ отъ всякаго рода нарашеній и искаженій, которымъ они неизбежно подвергаются, проходя черезъ руки многихъ поколѣній. Только когда вся эта работа сдѣлана, является возможность обсужденія самаго факта и его значенія, сопоставленія съ аналогичными, выводовъ изъ него и т. д.

Въ той области востоковѣдѣнія, которая намъ болѣе или менѣе близко знакома и къ которой относится и книга г. Машанова, нѣтъ уже такихъ историческихъ періодовъ и проблемъ, гдѣ бы можно было обойтись безъ указанной предварительной работы. Исторіей арабовъ до и послѣ Мухаммеда, исторіей мусульманской цивилизаціи и мусульманскихъ народовъ интересуются и занимаются уже почти 300 лѣтъ. Памятники историческіе изданы или переведены уже въ весьма значительномъ количествѣ и самаго разнообразнаго характера и достоинства. И хотя неизданныхъ остается еще гораздо больше, хотя въ числѣ послѣднихъ есть много самыхъ капитальныхъ и часто по внутреннему достоинству далеко превышающихъ изданные, но все-таки мы можемъ теперь уже себѣ составить вѣрную въ общихъ чертахъ картину условій, при которыхъ происходила напр. мусульманская ученая и литературная работа, можемъ опредѣлить въ весьма многихъ случаяхъ взаимныя отношенія другъ къ другу многихъ мусульманскихъ писателей и часто имѣемъ всѣ средства добираться до первоисточника, или по крайней мѣрѣ до *относительно*, если не безусловно, древнѣйшей версіи извѣстій о данномъ фактѣ. При такихъ условіяхъ и при такомъ состояніи нашей науки изложенныя выше требованія должны быть обязательно исполнены при всякомъ специальномъ изслѣдованіи, о чемъ бы оно ни трактовало. Ориенталистъ, который не проникся до мозга костей убѣжденіемъ, что прежде всего необходимо *«integros adire fontes»*, который неспособенъ столь же критически относиться къ восточнымъ компиляціямъ, какъ относится къ своимъ компилятивнымъ источникамъ историкъ-классикъ, византинистъ, славистъ — ориенталистъ, который не стѣсняется придавать одинакую цѣну и значеніе первоисточникамъ и позднѣйшимъ эпитоматорамъ, который механически *считаетъ* голоса вмѣсто того, чтобы ихъ *взвѣшивать*, такой ориенталистъ пусть не занимается историческими изслѣдованіями: *его результаты не могутъ быть приняты наукой, свершенная имъ работа должна быть сдѣлана еще разъ, его время потрачено даромъ, вмѣсто пользы онъ черпкомъ приноситъ наукѣ даже вредъ, запутывая проблемы вмѣсто того, чтобы ихъ разгяснить*. При основательномъ знаніи какого-нибудь изъ восточныхъ языковъ онъ легко найдетъ такую работу, которая ему подъ силу и по вкусу, и которая ему позволить внести свою лепту въ сокровищницу человѣческаго знанія.

Всѣ эти истины, сколько онѣ ни элементарны, весьма нерѣдко совершенно упускаются изъ виду ориенталистами, не только провинціальными, но и столичными, не только нашими, но и иностранными, и это конечно въ извѣстной степени объясняется самымъ ходомъ развитія ориентальной науки.

Первые ревнители нашей науки, къ которымъ мы не можемъ относиться иначе, какъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, *Пококки* и *Сельдены*, *Хайды* (*Hude*) и *Голіусы*, *Гилеи* и *Эрпеніусы*, *Д'Эрбелоты* и прочіе, и прочіе, которые открывали европейскому человѣчеству доступъ къ познанию восточныхъ языковъ и исторіи, конечно не могли сразу всё понять, всё уразумѣть: они издавали и переводили тѣхъ авторовъ, которые у нихъ были подъ рукой, о которыхъ они узнавали во время своихъ путешествій на востокъ, которые обѣщали наибольшее количество свѣдѣній по какимъ-либо специально интересовавшимся тогда ученый міръ вопросамъ, или которые могли дать, хотя бы въ сжатой формѣ, обзоръ всего хода исторіи какого-нибудь періода, народа, движенія. Послѣдовавшія поколѣнія шли тою-же дорогою очень долгое время, частью подъ влияніемъ первыхъ великихъ основателей новой науки, частью благодаря чисто матеріальнымъ обстоятельствамъ, частью наконецъ потому, что никто не ощущалъ необходимости прибѣгать къ первоисточникамъ. Высокій интересъ, который имѣетъ исторія — въ обширномъ смыслѣ — восточныхъ народовъ, широкіе горизонты, которые раскрывали первые труженики востоковѣдѣнія предъ ошеломленными глазами западныхъ мыслителей, самое обиліе новыхъ свѣдѣній, которыя давало всякое впервые издаваемое восточное сочиненіе, самое состояніе, наконецъ, исторической науки — все это, вмѣстѣ взятое, вполне оправдываетъ пріемы нашихъ предшественниковъ. Но за послѣднее столѣтіе востоковѣдѣніе сдѣлало громадныя успѣхи: явилось болѣе ясное пониманіе задачъ ориентальной науки, бѣльшая систематичность въ выборѣ издаваемыхъ и комментируемыхъ восточныхъ сочиненій, явилось сознаніе полной и существенной необходимости изученія первоисточниковъ и построенія выводовъ только на нихъ, однимъ словомъ, явилось сознаніе необходимости критики источниковъ. Это налагаетъ на насъ *обязанность* не довѣрять слѣпо авторитету великихъ ориенталистовъ прежнихъ поколѣній, а тщательно *пропирать* ихъ выводы, сопоставлять ихъ съ показаніями тѣхъ намъ теперь доступныхъ источниковъ, которыми они *не могли* или *не умѣли* пользоваться. Только этимъ способомъ, а не *повтореніемъ ихъ ошибокъ и недоразумѣній*, мы достойнымъ образомъ можемъ ихъ отблагодарить за ихъ труды, повесенные на нашу пользу. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что мы нисколько не советуемъ игнорировать труды ориенталистовъ 17 и 18 вѣковъ и ограничиваться только трудами изданными въ 19-омъ вѣкѣ.

Такая нелѣпость намъ совершенно чужда, равно какъ намъ чуждо и презрѣніе къ восточнымъ компиляціямъ. Мы отлично знаемъ, что послѣднія содержатъ много интересныхъ показаній и свѣдѣній, не находящихся въ доступныхъ теперь или сохранившихся донинѣ первоисточникахъ, и мы вполне понимаемъ, что есть труды ориенталистовъ 17 вѣка, которые съ честью выдержатъ сравненіе не съ однимъ трудомъ самаго новѣйшаго происхожденія. Мы *требуемъ* поэтому возможно полнаго изученія, какъ восточныхъ компиляцій, такъ и европейскихъ изслѣдованій, но подъ *непрелымнымъ условіемъ критическаго отношенія, какъ къ тѣмъ, такъ и другимъ, независимо отъ времени появленія ихъ на свѣтъ Божій.*

Въ связи съ указанными двумя предразсудками стоитъ наконецъ *третій*, не менѣе опасный, которымъ страдаютъ многіе наши, особенно молодые, ориенталисты, именно, что тщательная отдѣлка мелочей не имѣетъ особеннаго значенія въ сравненіи со всеобъемлющей широтой замысла и съ внушительнымъ объемомъ книги, или — и это еще хуже — что такая тщательность отдѣлки унижительно для «мыслящаго» ученаго, что эта грязная работа хороша только для «тупыхъ педантовъ» и т. д. Результатомъ этого предразсудка является стремленіе къ сочиненію «громадныхъ» (по объему и по замыслу) научныхъ трудовъ, которое въ свою очередь обыкновенно приводитъ къ весьма прискорбнымъ результатамъ. Оно дѣлаетъ тщательную отдѣлку деталей совершенно невозможной, особенно при весьма понятномъ желаніи молодыхъ ученыхъ видѣть свои труды въ печати и пожинать плоды ихъ по возможности скорѣе. *Большое же* число неточностей, хотя бы даже и не особенно важныхъ въ отдѣльности, подрываетъ въ конецъ всякое убѣжденіе въ надежности автора, колеблетъ авторитетность его выводовъ и заставляетъ *компетентнаго* читателя на каждомъ шагу справляться съ источниками, чтобы провѣрять автора, не говоря уже о пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ имѣть принятіе выводовъ и показаній подобной книги лицами, которыя по той или другой причинѣ лишены возможности производить подобную провѣрку. Мы весьма далеки отъ мысли требовать совершенства и въ этомъ отношеніи: человѣку свойственно не только ошибаться въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, но онъ и *не можетъ* при лучшей волѣ и величайшемъ стараніи избѣгнуть *всѣхъ* неточностей и недосмотровъ: даже простыя описки и опечатки являются необходимыми спутниками всякаго научнаго труда¹⁾. Мы требуемъ только извѣстной мѣры, извѣстнаго про-

1) Чему весьма нагляднымъ доказательствомъ служить м. пр. и обиліе опечатокъ, вкравшихся въ тѣ страницы «Записокъ» В. О., корректуры которыхъ читались однимъ только издателемъ «Записокъ», пишущимъ эти строки.

центнаго отношенія между подобными недостатками и достоинствами даннаго сочиненія. Когда ориенталистъ открываетъ новые горизонты наукѣ, либо сообщеніемъ обильныхъ, никѣмъ до него не изслѣдованныхъ, матеріаловъ, либо широкими, оригинальными взглядами и мыслями, основанными хотя бы и на извѣстныхъ уже до него матеріалахъ, то никому не придетъ въ голову ставить ему въ счетъ всякую мелкую неточность, всякій недосмотръ или промахъ, даже и крупный, *лишь бы общая сумма ихъ не была настолько значительна, чтобы поколебать вѣру въ основательность главныхъ его выводовъ или въ надежность его переводовъ.* Но чѣмъ менѣе въ данной книгѣ новыхъ мыслей, чѣмъ менѣе ея авторъ для ея составленія могъ пользоваться новыми матеріалами, чѣмъ компилятивнѣе, однимъ словомъ, ея характеръ, тѣмъ болѣе нужно точности, аккуратности, детальной отдѣлки, чтобы вообще оправдать появленіе ея на свѣтъ Божій.

Минимальныя требованія наши отъ всякаго историческаго труда по востоковѣдѣнію такимъ образомъ сводятся къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ:

1) Нахожденіе въ распоряженіи автора важнѣйшихъ изданныхъ источниковъ и пособій.

2) Возможно тщательная и всесторонняя критика источниковъ и вытекающая изъ нея правильная оцѣнка силы и значенія каждаго отдѣльнаго извѣстія или показанія.

3) Возможная точность и аккуратность въ отдѣлкѣ деталей.

При соблюденіи этихъ условій даже работа чисто компилятивнаго характера принесетъ несомнѣнную пользу наукѣ, устраняя многіе закоренѣлые предрасудки, очищая дорогу для будущихъ изслѣдователей, обладающихъ новыми матеріалами или вносящихъ новыя мысли.

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы къ сожалѣнію принуждены произнести строгій приговоръ надъ сочиненіемъ г. Машанова, ибо

1) Авторъ, какъ онъ самъ признаетъ, не имѣлъ подъ рукою «многихъ капитальныхъ изданій арабскихъ писателей и памятниковъ». Имъ не изслѣдованы ни *подлинныя сборники хадисовъ*, ни *Азраки*, ни *Вăкиди*, ни *Табари*, ни *Ибн-ал-Атиръ*, ни *Китаб-ал-аіâни*, ни *Кăмилъ (ал-Мубаррада)*, ни *Индъ Ибн-Абд-Раббихи*, ни *Тăдж-ал-аръусъ*, содержащій нѣсколько важныхъ выписокъ изъ болѣе древнихъ сочиненій, ни *Якутъ*, ни *Замахшаріевъ* комментарий къ Корану. Всѣ эти сочиненія или цитуются¹⁾ имъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, или совсѣмъ не цитуются. По части европейской литературы

1) *Хадисы* н. пр. по Mines de l'Orient (v. I), *Китаб-ал-аіâни* по Коссен-де-Персевалю, *Якутъ* по Крелю, *Азраки* по Дози или по Буркгардту (!), *Вăкиди* по Мюру, *Замахшари* по Фрейтагу или Озіандеру и пр. и пр. (примѣры на каждомъ шагѣ).

особенно вредно отозвалось на книгѣ незнакомство автора съ болѣ новыми изслѣдованіями по южноарабской (химьяритской и сабейской) эпиграфикѣ. Онъ почти всецѣло ¹⁾ опирается на превосходные для своего времени, но уже значительно устарѣлые труды Озіандера и Рёдигера, которые располагали весьма небольшими матеріалами, и совершенно игнорируетъ труды Halévy, Мордтманна младшаго, Давида Мюллера, Преториуса и т. п. Между тѣмъ, именно южноарабская эпиграфика сдѣлала за послѣдніе 10, 20 лѣтъ громадныя успѣхи, что г. Машанову однако же не мѣшаетъ, напр., какъ аргументъ въ пользу существованія у древнихъ арабовъ вѣры въ воскресеніе мертвыхъ, привести (стр. 524) вполнѣ *фантастическій* переводъ одной сабейской надписи, сочиненный Форстеромъ (Historical geography of Arabia). Не менѣе слѣдуетъ жалѣть и о томъ, что нашъ авторъ былъ незнакомъ съ превосходной монографіей о *хаджжѣ* голландскаго ученаго Snouck Hurgronje ²⁾, которая, не смотря на свой малый объемъ, представляетъ образецъ истинно критической разработки арабскихъ первоисточниковъ. Этими замѣтками не ограничивается, конечно, списокъ не бывшихъ доступными автору источниковъ и пособій, но было бы безцѣльно распространяться дальше на эту тему.

2) *Критика источниковъ совершенно отсутствуетъ* въ трудѣ г. Машанова. Абу-л-Феда и Ибн-Хишамъ, Фирюзабади и Азраки, авторъ ³⁾ Мустатрафа и Масуди, Мейдани и Димешки, Китâб-ал-Агани, Якутъ, Замахшари, Нувейри, Абу-л-Фараджъ, Шахрастани, и пр., и пр. — все это для г. Машанова равныя величины, показанія всѣхъ ихъ имѣютъ одинаковую цѣнность; извѣстія первоисточника, какъ напр. Азраки, «подтверждаются» извѣстіями поздняго путешественника (12 в.), въ родѣ *ал-Херави* ⁴⁾; слова Абу-л-Феды приводятся какъ подкрѣпленіе словъ Ибн-Хишама и т. д. ⁵⁾. Неразборчивость автора доходитъ до того, что онъ за свѣдѣніями объ арабской старинѣ иногда обращается ⁶⁾ даже къ *персидскому* компилятору X вѣка гиджры (= 16 в. по Р. Х.) Хондемиру, котораго онъ въ добавокъ цитуетъ не по подлинному тексту, а по Д'Эрбелотовой Bibliothèque orientale! Не имѣя никакого понятія о критикѣ *источниковъ*, авторъ никогда, повиди-

1) Статья Ленормана Sur l'inscription dédicatoire himyaritique etc., если мы не ошибаемся, единственное пособие, которымъ располагалъ нашъ авторъ по этой части кромѣ трудовъ Озіандера и Рёдигера.

2) Het Mekkaansche Feest, Leiden 1880.

3) Котораго г. М. постоянно называетъ «Лявзани», принявъ эпитетъ за имя собств., см. стр. 209 прим., 212, 213 и passim.

4) *الهروی*, превращенный г. М. (стр. 577) въ *Гараби*.

5) Стр. 727.

6) См. стр. 590.

тому, и не думаетъ о критическомъ отношеніи къ тѣмъ *европейскимъ сочиненіямъ*, на которыхъ основанъ весь его трудъ. Не то, чтобы онъ всегда съ ними соглашался: напротивъ того, онъ нерѣдко съ ними полемизируетъ, но полемика его большею частью безпочвенна, ибо основана не на *протырки* ихъ показаній по источникамъ, а на разсужденіяхъ и соображеніяхъ чисто субъективнаго свойства.

3) Мелкихъ неточностей въ родѣ невѣрныхъ цитатъ, не вполнѣ правильныхъ переводовъ, разныхъ противорѣчій и недоразумѣній встрѣчается въ книгѣ великое множество, далеко превышающее, такъ сказать, законный процентъ.

Мы, понятно, не можемъ принять на себя трудъ подробнаго перечисленія всѣхъ замѣченныхъ нами ошибокъ и пр., что было бы и несправедливо по отношенію къ читателямъ «Записокъ В. О.», но мы все-таки считаемъ нужнымъ по подробнѣе разобрать одинъ *типичный* примѣръ, который можетъ служить прекрасной иллюстраціей *пріемовъ* нашего автора.

Страницы 356—371 посвящены одному изъ главныхъ божествъ древнихъ арабовъ, именно *ал-Уззѣ*, о которомъ упоминается и въ Коранѣ гл. 53, ст. 19 и 20. Прежде всего г. Машановъ приводитъ изъ комментарія къ Корану Бейдавія (13 в.) слѣдующее мѣсто¹⁾:

«Аллата, Аль-Узза и Мената были куміры . . . Аль-Узза была дерево акація, которому поклонялось поколѣніе Гатафанъ²⁾. Пророкъ Божій — благословеніе и миръ ему отъ Бога! послалъ къ нимъ Халеда, сына Валидова, и онъ срубилъ ее. Слово *узза* есть имя женскаго рода, отъ мужскаго Аазъ».

Затѣмъ замѣчается, что самыя подробныя свѣдѣнія объ Уззѣ мы находимъ у Якута (13 в.), и приводится выписка изъ него въ текстѣ и переводѣ по Крелю, *Religion der vorislam. Araber*, приложение VII. Якутъ говоритъ тутъ не только объ Уззѣ, но и объ Аллатѣ и Менатѣ, ссылаясь мѣстами на болѣе древніе свои источники. Мы приведемъ изъ него тѣ мѣста, которыя для насъ важны, въ переводѣ г. Машанова. Якутъ начинаетъ такъ:

«Аль-Узза дерево акація. Она была у колѣна Гатафанъ. Они служили ей и построили для нея храмъ и были у (храма) ея стра-

1) Я выписываю буквально, сохраняя орфографію и знаки препинанія автора. Въ примѣчаніи 2 говорится: «Въ другомъ мѣстѣ онъ передаетъ объ этомъ нѣсколько иначе. См. Бейзавій, гл. XXXIX, 37».

2) *Прим. авт.*: «Шейхъ-Заде, въ схолияхъ на толкованіе Корана Бейзавія гл. LXXI, ст. 22—23 колѣнами чествовавшими Уззу показываетъ: *وسعد بن بكر* و عطفان و چشم و نصر

жами. Пророкъ (Мухаммедъ) послалъ къ ней Халеда-бну-Валидъ; тотъ разрушилъ храмъ и сжегъ дерево акацію . . . Ибнъ-Хабибъ сказалъ: Аль-Узза была пальмовое дерево, подлѣ котораго находился кумиръ; ей служило колѣно Гатафанъ, а стражами ея были Бяну-Сырма-бну-Мурра. Абу-ль-Мунзиръ, упомянувъ о Менатѣ и Аллатѣ, продолжаетъ: потомъ они приняли Аль-Уззу (какъ божество). Такимъ образомъ, она моложе Аллаты и Менаты . . . Аль-Уззу-же принялъ Залимъ-бну-Асадъ. Она находилась въ долинѣ Нахла-ш-Шамійя, называемой Харадзъ, насупротивъ Аль-Гамира, вправо отъ гористаго пути изъ Мекки въ Иракъ, въ десяти ¹⁾ миляхъ по направленію отъ Затъ-Ирка къ Бустану. Онъ построилъ надъ нимъ (деревомъ) храмъ, въ которомъ слышался звукъ. Арабы (въ частности) корейшиты, стали именоваться по этому (божеству): Абду-ль-Узза. . . Стражами при (храмѣ) Аль-Уззы были Бяну-Шейбанъ, которые были союзниками Бяну-ль-Харесь-бну-Абдуль-Муталибъ-бну-Гашемъ-бну-Абдъ-Менафъ. Послѣднимъ стражемъ изъ нихъ былъ Дубайя-бну-Харамъ-Аль-Сулеми. Служеніе Аль-Уззѣ не прекращалось до тѣхъ поръ, пока Богъ не послалъ пророка своего (Мухаммеда), который поразилъ ее и другихъ идоловъ и запретилъ служеніе имъ, когда ниспосланъ ему былъ Коранъ объ этомъ (т. е. стихъ Корана объ этомъ) . . . Абуль-Мунзиръ сказалъ: мнѣ рассказывалъ отецъ мой со словъ Абу-Салиха, что Ибнъ-Аббасъ сказалъ: Аль-Узза была дьяволъ женскаго пола и занимала (въ качествѣ жилища) три акаціи (سمرات) въ Батнѣ Нахлѣ. Когда пророкъ завоевалъ Мекку, онъ послалъ Халеда-бну-ль-Валида, сказавъ ему: ступай въ Батнъ Нахлю, тамъ ты найдешь три акаціи, сруби первую. Тотъ пошелъ туда и срубилъ ее. «Такъ сруби третью» (сказалъ ему Мухаммедъ послѣ того, какъ тотъ ему донесъ, что онъ уже срубилъ два дерева). Онъ отправился туда. Ему на встрѣчу вышла (женщина въ одной) рубахѣ съ растрепанными волосами, положивъ руки на плечи, и со скрежетомъ зубовъ. За нею шелъ Дубайя-бну-Харамъ-аль-Сулеми-Шейбанитъ, который былъ жрецомъ ея (Уззы). Посмотрѣвъ на Халеда, онъ сказалъ (стихъ): «О Узза! употреби всѣ усилія, порази Халеда; сбрось покрывало и спиши,— Потому что если ты не поразишь сегодня Халеда, (ты погибла). Потому заставъ его скоро сознаться въ своей

1) Опечатка вм. десяти.

слабости¹⁾ и защиты себя». Халедъ сказалъ: я не вѣрю въ тебя, не поклоняюсь тебѣ, потому что я уже видѣлъ, какъ Богъ унижилъ тебя. Потомъ онъ ударилъ ее и разрубилъ ей голову,— и вотъ она черная женщина. Затѣмъ онъ срубилъ дерево и убилъ жреца Дубайю. Потомъ Халедъ пришелъ къ пророку и разсказалъ ему. Тотъ сказалъ: «это Аль-Узза; nebudeť послѣ сего Аль-Уззы у арабовъ и nebudeť ей поклоняться послѣ нынѣшняго дня» . . .

Послѣ этой выписки мы читаемъ:

«Ибнъ-Гишамъ объ этомъ идолѣ повѣствуетъ: «У корейшитовъ и Бяну-Кинана былъ (идолъ) Аль-Узза въ Нахлѣ. Стражами и привратниками при (храмѣ) ея были Бяну-Шейбанъ, изъ сулеймитовъ, союзники гашемитовъ».

Въ примѣчаніи: «Объ уничтоженіи этого идола Ибнъ-Гишамъ разсказываетъ буквально почти то же самое, что и Якутъ. См. стр. 149—150».

Покончивъ, повидимому, съ показаніями арабскихъ писателей, нашъ авторъ переходитъ уже къ филологическому значенію имени Уззы, стр. 363—365. Но затѣмъ онъ опять возвращается къ эпизоду разрушенія идола и говоритъ (стр. 366):

«Приведенныя выше свидѣтельства объ уничтоженіи этого дерева²⁾ дополнимъ еще слѣдующими показаніями. Фирузабади въ Камусѣ³⁾ разсказываетъ, что въ 8 году гиджры Халедъ-бну-ль-Валидъ былъ посланъ Мухаммедомъ разрушить храмъ Уззы: онъ сжегъ идола или дерево и убилъ жрицу, которая по обычаю сбгующихъ вышла изъ храма съ распущенными волосами. Замахшари объ уничтоженіи этого фетиша и его храма передаетъ, что пророкъ послалъ Халеда-бну-ль-Валида, который разрушилъ святилище и сжегъ дерево; жрица съ крикомъ ринулась; онъ билъ ее до тѣхъ поръ, пока она не умерла; затѣмъ сказалъ: «О Узза! я не признаю тебя, непрославляю тебя! я даже видѣлъ, какъ Аллахъ низвергъ тебя!» Пророкъ, услышавъ о результатѣ экспедиціи, сказалъ: это Аль-Узза! и она никогда nebudeť снова почитаться какъ божество⁴⁾. Такимъ образомъ, всѣ свидѣтельства арабскихъ писа-

1) Переводъ не вѣренъ подъ вліяніемъ перевода Креля. Читай: «Если ты сегодня не отразишь Халида, то признайся въ имѣющемъ скоро наступить (для тебя) позорѣ, защити-же себя».

2) Т. е. священнаго дерева ал-Уззы. *Прим. рецензента.*

3) Камусъ подъ корнемъ *ج*; Freytag, Einleitung, p. 346. *Прим. автора.*

4) Замахшари. См. Zeitschr. d. D. M. G. Bd. VII, p. 485. *Прим. автора.*

телей въ общемъ согласны между собой относительно уничтоженія этого идола и его храма и умерщвленія *жрицы*¹⁾ Халедомъ-бну-ль-Валидъ».

Нѣсколько ниже, на стр. 367, затѣмъ говорится о томъ, что Узза была женское божество и мы читаемъ:

«Точно также и женская форма имени Уззы, какъ мы уже сказали выше, и тотъ фактъ, что изъ *разказовъ объ ея уничтоженіи вездѣ мы видимъ, что ей служила въ храмѣ жрица, а не жрецъ*²⁾, все это ведётъ насъ къ несомнѣнному предположенію, что Узза была женское божество».

Еще ниже, на той-же страницѣ, въ доказательство, что Узза была богиня луны, опять являются на сцену *сказанія о жрицѣ Уззы*:

«Изъ этихъ сказаній мы видимъ, что ей служили не жрецы, а *жрицы*³⁾, что главнымъ образомъ практиковалось въ другихъ языческихъ религіяхъ при культѣ именно луны».

На стр. 786 наконецъ мы читаемъ:

«Мы имѣемъ также данныя, показывающія, что въ надзорѣ за храмомъ участвовали и женщины, по всей вѣроятности въ тѣхъ только храмахъ, которые были посвящены женскому божеству. Выше мы уже привели разказъ о разрушеніи капища богини Уззы, при чемъ была убита и *жрица или надзирательница за ея храмомъ*⁴⁾».

Такимъ образомъ фактъ существованія при храмѣ и идолѣ Уззы *жрицы* нашъ авторъ признаетъ настолько установленнымъ и несомнѣннымъ⁵⁾, что, не задумываясь, пользуется имъ, какъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу того, что Узза была именно богиней луны, и затѣмъ въ пользу уже обобщенія «что въ надзорѣ за храмомъ участвовали и женщины, по всей вѣроятности въ тѣхъ только храмахъ, которые были посвящены женскому божеству».

Внимательный читатель недоумѣваетъ; онъ сразу замѣтитъ, что г.

1) Курсивъ рецензента.

2) Курсивъ рецензента.

3) Курсивъ рецензента.

4) Курсивъ рецензента. — При этомъ ссылка на стр. 362—363.

5) Ср. еще стр. 612: «По словамъ Замахшари будто бы, когда Халидъ приблизился къ этому храму, то на него съ крикомъ ринулась жрица этой богини. Халидъ билъ ее до тѣхъ поръ, пока она не умерла. Затѣмъ онъ сказалъ: «Узза!» и т. д.

Машановъ самымъ непонятнымъ образомъ забываетъ на одной страницѣ то, что имъ-же было написано на другой. *Единогласія* арабскихъ писателей, приводимыхъ нашимъ авторомъ, *нѣтъ*: Якутъ и Ибн-Хишамъ говорятъ весьма ясно о *жрецахъ*, о *стражахъ*, о *привратникахъ*, даже о послѣднемъ *жрецѣ*, который называется по имени, и который былъ убитъ Халидомъ. О *жрицѣ* говорятъ только авторъ Камуса и Замахшари. Слѣдовательно — два голоса противъ двухъ. Неоріенталистъ или начинающій оріенталистъ, желающій какъ нибудь уяснить себѣ вопросъ о существованіи или не существованіи жрицъ при идолахъ и храмахъ древней Аравіи, въ виду категорическаго заявленія нашего автора, что *все* арабскіе писатели согласны и пр., строго говоря, *долженъ* бы прійти къ тому выводу, что въ тѣхъ выпискахъ изъ приводимыхъ г. Машановымъ ар. писателей, гдѣ говорится о привратникахъ, жрецахъ, жрецѣ и пр. вездѣ — *опечатки* и что слѣдуетъ вездѣ читать *жрица*, *привратницы* и т. д. Въ виду избылія опечатокъ всякаго рода такое предположеніе конечно возможно, но всё таки какъ-то кажется слишкомъ невѣроятнымъ, и всякій болѣе склонится къ тому, чтобы допустить, что у г. Машанова были какія нибудь причины, заставившія его игнорировать показанія двухъ авторовъ, *Ибн-Хишама* и *Якута*, и отдать безусловное предпочтеніе 2 другимъ, *Замахшари* и автору *Камуса*. Что онъ этихъ причинъ не указалъ, это читатель себѣ объяснитъ тѣмъ; что г. Машановъ вообще никогда не говоритъ о сравнительномъ достоинствѣ цитуемыхъ имъ авторовъ. Такимъ образомъ фактъ существованія при храмѣ Уззы жрицы, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями, для обыкновенныхъ читателей книги г. Машанова станеть несомнѣннымъ.

Посмотримъ теперь, какой мы результатъ получимъ послѣ *проверки*.

Г. Машановъ ссылается на *Камусъ* подъ словомъ *عز* и на комментарій къ Корану *Замахшари*.

Фирузабади въ *Камусѣ* говоритъ подъ словомъ *عز* буквально слѣдующее:

«ал-Узза — идолъ или *самура* (родъ акаціи), которой поклонялось племя Гатафанъ. Первый, кто ее призналъ, былъ Зâлим-ибн-Ас'ад; она находилась по выше Зât-'Ирка, по направленію къ ал-Бустану, въ 9 миляхъ (отъ Мекки). Онъ построилъ надъ ней домъ (храмъ) и назвалъ его Бусс. И слышали они (арабы) въ ней (въ акаціи) звуки. И послалъ пророкъ Божій къ ней Халида, сына ал-Валида, и тотъ разрушилъ храмъ и сжегъ акацію».

У *Замахшари*-же (комментарій къ Корану гл. 53, ст. 19—20, издание Калькутское стр. 1422) мы читаемъ вотъ-что:

«ал-Узза принадлежала племени Гатафанъ. Это — акація. (Имя) ал-Узза собственно женскій родъ отъ *al-ʿazz*. И послалъ къ ней пророкъ Божій Халида, сына ал-Валида, и тотъ срубилъ ее и вышла изъ нея дьяволиха (شیطانة), распуская свои волосы, издавая жалобные крики, кладя свои руки на голову свою. И сталъ онъ (Халидъ) ударять ее мечемъ, пока не убилъ ее, приговаривая «О Узза, не вѣрую я въ тебя и не прославляю тебя. Я, по истинѣ, вижу, что Аллахъ унизилъ тебя». И вернулся онъ и разсказалъ пророку божьему и пророкъ сказалъ: это — ал-Узза и никогда уже болѣе она не будетъ почитаться».

Читатель видитъ, что ни въ Камусѣ ни у Замахшари нѣтъ ни малѣйшаго указанія на *жрицу*. Но жрица эта попала въ книгу г. Машанова и не изъ Камуса или изъ Замахшари, а изъ тѣхъ «нѣмецкихъ книжекъ», которыя вообще составляютъ фонъ книги г. Машанова, и которыя вошли въ нее почти цѣликомъ *со всеми цитатами, текстами, разсужденіями*. Эти книги — Krehl, Ueber die Religion der vorislamischen Araber, Freytag, Einleitung in das Studium der arab. Sprache (тѣ главы, которыя относятся къ древней религіи и религіознымъ обычаямъ, суевѣріямъ и пр.) и Osiander, Studien über die vorislamische Religion der Araber (Z. D. M. G. VII, 463—505). Въ данномъ случаѣ показанія о жрицѣ, находящаяся будто бы въ *Камусѣ*, взяты изъ Freytag'a p. 346, а показанія *Замахшари* изъ Osiander'a, l. c. 485, каковыя мѣста изъ обоихъ трактатовъ и цитуются нашимъ авторомъ ¹⁾, какъ мы видѣли выше. Онъ только не счелъ нужнымъ провѣрить ихъ, хотя онъ несомнѣнно могъ это сдѣлать, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Камусу. Трудно себѣ въ самомъ дѣлѣ представить, чтобы въ Казани нельзя было бы добыть текстъ Камуса; да и экземпляръ Замахшари вѣроятно нашелся бы. Но если мы и допустимъ, что вѣра въ авторитетъ Фрейтага и Озиандера удержала его отъ всякихъ поползновеній на провѣрку ихъ, то простое соображеніе о сравнительномъ достоинствѣ Камуса и Замахшари съ одной стороны, и Ибн-Хишамъ и Якута съ другой, *должно* было помѣшать конфискаціи показаній послѣднихъ двухъ авторовъ въ угоду двумъ первымъ.

1) Онъ частыми ссылками на эти три сочиненія вообще признаетъ свою зависимость отъ нихъ, но нерѣдко ссылки по небрежности *распредѣлены* такъ, что вводятъ читателя въ заблужденіе на счетъ того, что именно принадлежитъ ему и что названнымъ ученымъ. Вся *аргументація* н. пр. о томъ, что ал-Узза именно богиня луны, на стр. 367, принадлежитъ Крелю (стр. 80) и Озиандеру (491), что видно только при провѣркѣ, а не изъ цитатъ. Бываетъ и такъ, что г. Машановъ въ торопяхъ совершенно забываетъ, что высказываемый имъ взглядъ, предположеніе — *не оригинальны*, а заимствованы. Такъ н. пр. на стр. 773: «мы рѣшаемся здѣсь высказать одно довольно смѣлое предположеніе»... «на эту мысль насъ наводитъ число идоловъ Каабы» и пр. «*Смѣлое предположеніе*» и «*мысль*», о которыхъ идетъ рѣчь, читаются en toutes lettres у Фрейтага, стр. 347.

Камусъ, лексикографическую компиляцію 15 вѣка, можно было признавать за самостоятельный источникъ только тогда, когда другіе, болѣе достовѣрные и древніе, не были доступны; *Замахшари* же, (12 в.), совершенно занятый догматическими и грамматическими тонкостями, объ арабской старинѣ сообщаетъ только такъ сказать «ходячія мнѣнія» и никоимъ образомъ въ вопросахъ сюда относящихся не можетъ быть приравниваемъ къ *Ибн-Хишаму*, древнѣйшему изданному біографу Мухаммеда и *Якуту*, который завѣдомо опирается на столь древняго автора, какъ *Абу-л-Мунзир-Хишам-ибн-Мухаммед-ал-Кельби* (+ 206 = 821). Едва-ли можетъ г. Машановъ въ этомъ случаѣ сказать про себя «*feci quod potui*». Даже при тѣхъ средствахъ, которыми располагалъ нашъ авторъ, можно было безъ особеннаго труда выяснитъ, что у Уззы была не *жрица*, а жрецъ, и что жрица есть уже только *плодъ соображенія* ученыхъ (Freitag, p. 346, Osiander l. c. 485, Krehl, p. 80, Weil, Mohammed d. Prophet p. 227), *выводъ*, построенный на разсказѣ о появленіи женщины съ растрепанными волосами и пр., но выводъ *нестырный и неосновательный*: женщина эта явилась вслѣдствіе именно той неспособности большинства мусульманскихъ писателей переноситься мыслью въ другое время, въ другую обстановку, освободиться отъ путъ мусульманскаго міросозерцанія, о которой нашъ авторъ приводитъ на стр. 158—59 весьма дѣльные замѣчанія Д. А. Хвольсона, но которой онъ во всей книгѣ ни разу не принялъ во вниманіе. Женщина съ растрепанными волосами есть не иное что, какъ олицетвореніе ал-Уззы, уничтоженной по приказанію Мухаммеда: олицетвореніе ея въ «дьяволихѣ» у *Замахшари* очень характерно. Это послѣдній шагъ на пути объясненія позднѣйшимъ поколѣніямъ мотивовъ почитанія *дерева* и суетности и грѣховности древнихъ вѣрованій. У *Азраки* (изд. Вюстенф., Chron. d. St. Mekka, I, 79—80) есть цѣлый рядъ древнихъ преданій объ ал-Уззѣ и ея истребленія Халидомъ, изъ сравненія которыхъ другъ съ другомъ и съ показаніями *Якута* ясно вытекаетъ правильность нашего толкованія.

Но независимо даже отъ того или другаго толкованія всѣхъ этихъ преданій, всякій, надѣмая, признаетъ вмѣстѣ съ нами, что такіе *приемы*, какіе употреблены здѣсь г. М., заслуживаютъ самаго строгаго порицанія, и они къ сожалѣнію не составляютъ исключенія, а *правило*. Вся книга, на каждомъ шагу, свидѣтельствуетъ о нихъ.

При такихъ условіяхъ намъ уже нечего останавливаться на разныхъ менѣе важныхъ недостаткахъ, недосмотрахъ и неточностяхъ всякаго рода, которыхъ имѣется великое изобиліе. Достаточно всего сказаннаго, чтобы отнять у *этой книги* г. Машанова всякое *научное* значеніе. Но мы тѣмъ не менѣе глубоко убѣждены что г. М. дастъ намъ въ будущемъ прекрасныя

изслѣдованія: указанные недостатки всё не неустранимы. Выборъ менѣе обширныхъ задачъ, большая строгость¹⁾ и внимательность при исполненіи, критическое отношеніе къ источникамъ и пособиямъ, общающаго г-ну М., при его основательномъ знаніи языка, солидной эрудиціи и горячей преданности наукъ несомнѣнно блестящую научную карьеру. Мы отъ души желаемъ, чтобы и сама Казанская Духовная Академія пришла на помощь своему бывшему питомцу и систематическимъ обогащеніемъ арабскаго отдѣла своей библіотеки дала ему возможность работать при болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Мы съ искренней радостью встрѣтимъ каждый новый трудъ его и надѣемся, что со временемъ сочиненія г. М. займутъ почетное мѣсто среди самыхъ лучшихъ трудовъ русскихъ ориенталистовъ.

Ноябрь 1887.

В. Р.

64. Dictionnaire des noms propres palmyréniens. Par E. Ledrain. (Public. de l'Ecole du Louvre). Paris 1887. 8°. (E. Leroux) 59 стр. Ц. 10 фр.

Цѣль вышеприведеннаго сочиненія — собрать въ одинъ согруппированные въ различнаго рода сборникахъ, ученыхъ путешествіяхъ и отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ монографическаго характера собственныя имена, встрѣчающіяся въ надписяхъ, найденныхъ въ Пальмирѣ и такимъ образомъ представить возможно полный матеріалъ для будущаго изслѣдователя пальмирской ономастологіи. Самъ авторъ съ своей стороны воздержался отъ какого бы то ни было комментарія приводимыхъ имъ свыше четырехсотъ именъ личныхъ, мѣтологическихъ и географическихъ, расположенныхъ по еврейскому алфавиту, употребленному г. Ледреномъ для транскрипціи пальмирскаго шрифта. Послѣ каждаго слова слѣдуетъ ссылка на то сочиненіе, гдѣ издана надпись, его заключающая.

Изъ приведенныхъ г. Ледреномъ собственныхъ именъ далеко не всё принадлежитъ пальмирскому діалекту. Въ Пальмирѣ, гдѣ была особенно развита транзитная торговля, жило множество иностранцевъ, а именно грековъ, римлянъ, персіанъ, парянъ, и прочихъ арійцевъ. Естественно поэтому, что въ надписяхъ Пальмиры, какъ греческихъ и латинскихъ, такъ и начертанныхъ пальмирскимъ шрифтомъ, встрѣчаются имена собственные, принадлежащія вышеприведеннымъ представителямъ родственныхъ намъ по языку народовъ. У Ледрена приводится до 14 собственныхъ греческихъ именъ, находящихся въ Пальмирскихъ надписяхъ, въ транскрипціи мѣстнымъ семитическимъ шриф-

1) Рекомендуемъ г-ну М. какъ образецъ строгаго научнаго разсужденія на его тему только-что полученную нами превосходную работу J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, 3-tes Heft. Reste Arabischen Heidentumes. Berlin, Reimer 1887. — *Прим. отъ Яна. 1888.*